

Большое театры - 1994 - 15 февр. (сб).

«ЗАБЫТЫЕ ШЕДЕВРЫ»

Так назывался концерт, состоявшийся 9 февраля в Бетховенском зале Большого театра, в котором выступили солисты оперы и Секстет оркестра театра.

Концерт этот вызвал большой интерес публики, что и неудивительно: многие произведения, прозвучавшие под сводами зала, были, действительно, совершенно незнакомы аудитории (мне, например, не приходилось до этого слышать ни одной ноты из «Юдифи» А. Серова или музыки Ж. Онслоу), хоть, конечно, отнесение к числу «забытых» Воле-ро Елены из «Сицилийской вечерни» или «Севильяны» из оперы Ж. Массне «Дон Сезар де Базан» способно вызвать, мягко говоря, ироническую улыбку.

Но за неизбежными в таких случаях репертуарными издержками налицо проступает несомненная познавательная ценность такого рода концертов, тем более, если она обогащается яркостью и впечатляющей силой исполнительских решений. На них мне хотелось бы прежде всего остановиться.

Для меня этот концерт ознаменовался тремя выдающимися выступлениями: баса Петра Глубокого, сопрано Натальи Пустовой и баритона Владимира Редькина.

Удивительно красиво, насыщенно и ровно звучал голос П. Глубокого в «Литании» Ф. Шуберта и в молитве Закарии из «Набукко» Дж. Верди. Пластичность вокальной линии, глубокая проникновенность пения артиста, выразительность его фразировки оставили сильнейшее впечатление. Но если успех П. Глубокого был для меня явлениями закономерным — мне всегда импонировали его голос и исполнительская манера, то знакомство с Н. Пустовой и В. Редькиным ока-

залось для меня настоящим откровением.

У Н. Пустовой — лирико-колоратурное сопрано с поразительной красоты и какой-то трепетной наполненности верхним регистром. Стихия и искренность, непосредственность ее вокала завораживают. Давно мне не приходилось слышать голоса такой лучезарной искренности и нежности. Она, наверное, могла бы стать великолепной моцартовской певицей — Сюзанной и Церлиной экстра-класса, но и по моему не менее великолепной Джильдой, а может быть, и Леонорой в «Трубадуре». (Виолетту, рассказывают, она прекрасно пела, а моцартовскую Деспину не только спела, но и записала). Добавьте к этому ее совершенно очаровательную внешность, и вы получите артистку, готовую к решению самых ответственных художественных задач. Но что ей петь сейчас в Большом театре? В чем ее можно услышать? Вот эти проклятые вопросы!

В. Редькин — настоящий драматический баритон, появления которого я давно ожидал в Большом театре. В потенции это может быть блестящий Яго в «Отелло», Скарпия, ди Луна, Ренато в «Бале-маскараде», Мазеп! Во всяком случае, исполненные им в концерте ария Макбета из одноименной оперы Дж. Верди и вакхическая песня Гамлета из оперы А. Тома не оставили в этом никакие сомнения! Настоящая экспрессия, драматическая порывистость, энергия и пафос его исполнения глубоко захватывают и по-настоящему увлекают. С каким удо-

льствием я послушал бы Н. Пустовую и В. Редькина в совместном концерте в сопровождении оркестра! Это был бы настоящий праздник для любителей вокального искусства, художественный результат которого намного превзошел бы разрекламированное шоу с участием Н. Троицкой и Д. Хворостовского.

Я благодарен Ирине Удаловой, включившей в программу концерта сцену Юдифи из одноименной оперы А. Серова. Она дала нам почувствовать, что это за партия, и масштаб музыки. Яркое драматическое сопрано артистки звучало не очень ровно на протяжении всего диатона, но в целом свидетельствовало о больших исполнительских возможностях певицы.

После значительного перерыва я услышал в зале Юрия Статника, который произвел на меня самое приятное впечатление и голосом, и исполнительской манерой. Хотя арию Банко из вердиевского «Макбета» никак нельзя отнести к числу забытых произведений, ария Ормидоро из оперы «Потерянные звезды» итальянского композитора XVII века Франческо Провенцале, одного из основоположников неаполитанской оперной школы, явилась подлинным раритетом на московской концертной эстраде, за что можно искренне поблагодарить певца.

Несколько неожиданной оказалась мне программа выступления Игоря Морозова, которого мы знаем как обладателя красивого лирического баритона. Монолог Жерара из оперы У. Джор-

дано «Андре-Шенье», мне кажется, не совсем соответствует фактуре голоса певца. Ария де Сири из оперы «Федора» того же автора гораздо больше отвечает характеру вокальных данных артиста, хотя сама ария эта «La donna gussa» довольно курьезна — этаким симбиоз аляповатого «Соловья» и неаполитанской песни!

В своих кратких заметках я не ставил задачу охарактеризовать выступление каждого участника концерта. Но об одном номере не могу не сказать несколько слов. По-моему, впервые в Москве в XX веке звучала музыка готического в прошлом столетии французского композитора Жоржа Онслоу, которого высоко ценили современники за его симфоническое и особенно камерно-инструментальное творчество. Секстет оркестра Большого театра в составе Петра Тарасевича, Олега Филатова (скрипка), Владимира Грота (альт), Андрея Красильников (виолончель), Михаила Киселя (контрабас) и пианистки Аллы Басаргиной сыграл третью часть Секстета Онслоу (тему с вариациями) — сыграл с настроением, мягко и задумчиво, подчеркнув обаяние и лирическую непосредственность музыки этого забытого автора.

Словом, концерт «Забытые шедевры» по-настоящему удался и доставил всем присутствующим немало памятных художественных переживаний. В этом большая заслуга А. Басаргиной, Л. Могилевской, Н. Обиняковой, Н. Разсудовой, К. Костырева — ведущих оперных концертмейстеров театра, которые, видимо, немало потрудились для подготовки с певцами нового материала.

Всееволод ТИМОХИН.